

УДК 94 (262 + 479)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-7-13

К ВОПРОСУ О КАВКАЗСКО-АНАТОЛИЙСКОМ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ЕДИНСТВЕ И РОДСТВЕ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН)», bbarasbi@yandex.ru

Вынесенная на рассмотрение в очередной раз проблема кавказско-анатолийского культурно-языкового родства рассматривается на основе современных достижений в этой области: лингвистики, этнологии, археологии. Предлагается выделить понятие кавказско-анатолийских языков как аналога хатто-абхазско-черкесских языков, сложившихся в доисторические времена, считать термин *хатты* древним самоназванием хатто-абхазо-адыгов, а термины *кас/каска* – индоевропейским экзонимом этих народов. Поддерживается также гипотеза этногенетической дивергенции кавказско-анатолийской общности, ее разделения на две ветви – кавказскую и анатолийскую после последнего глобального потепления в IX тысячелетии до н.э. Подчеркивается особая роль в этническом развитии хатто-абхазо-адыгов дарквето-мешоковской, предмайкопской и майкопской археологических культур.

Ключевые слова: Ближний Восток, Кавказ, Анатолия, абхазы, черкесы, хатты, хетты, майкопская культура, этногенетическая дивергенция, экзоним.

1

Существует мнение, что в кавказско-анатолийской контактной зоне еще в конце каменного века могла образоваться «обширная восточнопричерноморская этнокультурная область, лежавшая в основе хатто-абхазо-адыгского древнего единства» [Бетрозов 1998: 101]. Предполагается, что в период мезолита протохатто-абхазо-адыгские племена занимали обширную территорию на северо-востоке Малой Азии, на Юго-Западном и Северном Кавказе. Соединяясь друг с другом через восточный берег Черного моря, эти племена, как принято считать, активно и плодотворно взаимодействовали с соседними народами Кавказа, Ближнего Востока, Юго-Восточной Европы.

Кавказско-анатолийскими, исходя из такой постановки вопроса, мы называем древние племена, сформировавшиеся под влиянием хатто-абхазо-адыгского культурно-языкового взаимодействия и родства. Открывается в то же время возможность акцентировать внимание на связи хаттов с древними цивилизациями и памятниками Циркумпонтийской металлургической провинции в Центральной Евразии, с дарквети-мешоковской, затем майкопской археологической культурой Северного и Западного Кавказа, фиксировать вполне вероятное участие хаттов в этногенезе и этнической истории кавказских народов, известных сейчас под названием черкесов, абхазов, абазин.

Последовательное разъяснение историко-культурного содержания и применения понятия «кавказско-анатолийское культурное единство и родство», позволяет

преодолеть некоторую односторонность и неопределенность в представлениях о кавказско-анатолийской контактной зоне в древности. В том числе и неопределенность в отношении историко-культурного содержания этнонимов *хатты* и *каска* (кашка). В нашем понимании, из двух семантически не вполне равноценных названий хатто-абхазо-черкесских племен первый – *хатты* функционировал, главным образом, как самоназвание (эндоэтноним), как способ самоидентификации кавказско-анатолийской общности, связанной узами этнического родства. Вторым – *каска/кашки/каскайцы* выполнял функции экзонима – термина, который применялся к майкопско-анатолийским племенам представителями других, прежде всего соседних народов. Он возник и активно использовался преимущественно в среде индоевропейцев, с которыми хатты находились в постоянном контакте, в том числе на Ближнем Востоке – в Месопотамии, Иране, Анатолии, а также и в Европе – в Приазовье, Северном Причерноморье, Карпатах.

Из этого следует также, что распространенное мнение, согласно которому этноним *каска/каскайцы* является только обозначением одного из хаттских племен на северо-востоке Анатолии, не совсем точно отражает историко-культурное содержание данного термина [Singer 1981]. На самом деле, это индоиранское название хатто-абхазо-адыгских племен, фактически, синоним этнического имени хатты. Судя по всему, этноним *каска* восходит к индийскому *kas* – «сверкать, сиять», *kasih* – «солнце, свет, сияние» [König 1930: 62] и соотносится с названием Бога луны у хаттов – *Каску*. Отсюда внутренняя форма этнонима *каска* и соответствующие коннотации слова, ставшего индоевропейским названием хаттов – «почитающий луну народ» [Гиоргадзе 1961: 209–210] или «сияющий, луноподобный народ». В черкесском языке такое название переключается с семантикой термина *хатты*, в котором первый элемент *хъэ* восходит к значению «жизнь», «живое», а второй *-т-* соотносим, как и в индоевропейских языках, со значением «давать» и, таким образом, закрепляет в языковом сознании термин с внутренней формой «животворящий», «жизнеутверждающий» [Бгажноков 2015: 18].

Корень *kas* лежит и в основе названия касситов, которые правили Вавилоном во второй половине II тыс. до н.э. Отсюда также имя главного божества касситов – *Кашшу*. Эти факты позволяют думать, что касситы являются ответвлением хатто-каскайцев, смешавшимися с населением Вавилона, к этому времени преимущественно ираноязычным. Версия кассито-каскайского родства, вообще говоря, имеет давнюю традицию. О том, что касситы сформировались как народ на основе каскских (кашкайских) племен, обосновавшихся в Загросе, писал, например Гр. Капанцян [Капанцян 1947: 131–135]. Надо отметить в этой связи, что первоначальный центр касситов находился все же не в горах Загроса, как принято думать [Бауэр 2011: 216], а на северо-востоке Малой Азии [Jaritz 1960: 850], насколько мы понимаем, в верховьях Евфрата и в его среднем течении, вдоль впадающей в него справа реки Хабур.

Отсюда, кроме всего прочего, высказывавшаяся неоднократно мысль о возможной внутренней связи касситского языка с хаттским и соответственно с каскским языком [Forrer 1930: 230]. Что неизбежно ставит и вопрос о характере взаимодействия касситского языка с абхазо-черкесскими языками. Так, Б. Грозни считает язык касситов одним из древних кавказских языков и усматривает прямую связь между касситами Передней Азии, касками Анатолии и касогами Кавказа. По-видимому, из множества кавказских языков, прежде всего, именно проточеркесский язык был наиболее тесно связан с древним, еще не иранизированным касситским языком. Поэтому касаясь этой гипотезы, и фактически поддерживая ее, И. Алиев пишет: «Кашков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: касоги)» [Алиев 1960: 81].

Важно, как мы убеждаемся, представить с самого начала общую картину раннего этногенеза черкесского народа, способную объединить в одно целое некоторое множество имеющих отношение к данной проблеме взаимосвязанных, дополняющих друг друга и принципиально важных сведений, фактов, отношений.

В числе первоочередных следует назвать при этом ставший, кажется, уже неоспоримым факт хатто-абхазо-адыгского языкового и культурного родства. Трудно переоценить вслед за этим соотносимый чаще всего с хатто-абхазо-адыгским населением фактор майкопской культуры и выступающий в этой же роли феномен дольменной культуры, глубоко и теснейшим образом связанный с майкопом. По общему мнению многих исследователей, эти культуры, не смотря на то, что они испытали огромное влияние народов и культур Передней Азии и Европы, являются материальным выражением внутреннего единства и общности населения почти на всей северо-западной и северной части Кавказа.

К настоящему времени хорошие перспективы для формирования внятной, вполне осязаемой общей картины раннего этногенеза абхазо-адыгов создали результаты многочисленных археологических раскопок и исследований, начало которым положили, сделанные Н.И. Веселовским в 1897 находки в Большом Майкопском курганном захоронении (местное название Ошад). Исследования А.А. Йессена, Е.П. Крупнова, А.Д. Столяра, А.А. Формозова, Р.М. Мунчаева, С.Н. Кореневского, А.Д. Резепкина, В.А. Трифонова, А.А. Нехаева, многих других отечественных ученых подготовили почву для различных гипотез и версий участия местного населения в создании предмайкопской (дарквето-мешоковской) и майкопской культур. Можно говорить, таким образом, и о формировании населения, консолидированного в предмайкопскую и майкопскую общность со специфичными для них формами социальной самоорганизации, материального и духовного производства.

Стала, в частности, очевидной возможность предположить (во всяком случае, в качестве гипотезы), что древнейшая история или предыстория черкесов уходит своими корнями в эпоху мезолита. Хотя вполне определенно дает о себе знать только в период энеолита и ранней бронзы, когда на Северном Кавказе возникли и получили развитие две пересекающиеся во времени и пространстве культуры: дарквети-мешоковская и майкопская.

Принципиальное значение имеет, кроме того, культура Аладжа-Хююка в Центральной Анатолии. Установлено, что она сопоставима с майкопской материально и (в меньшей степени) хронологически [Frankfort 1996: 231–233; Acurgal 1979: 20; Acurgal 2015: 7–8], что в любом случае свидетельствует о сохранении или воспроизводстве элементов кавказско-анатолийской общности. В «Царских гробницах» Аладжа-Хююка останки лежали в могилах на правом боку, в характерной для майкопа позе адорации головой на юг. Рядом с покойниками располагалось множество металлических, в том числе золотых изделий, напоминающих находки из майкопского кургана Ошад. В их числе сосуды, ювелирные изделия, оружие. Большую известность получили солнечные диски, напоминающие найденный в кургане Ошад скипетр из пучка золотых и серебряных стрел с насаженными на них бычками.

Существует разделяемое рядом археологов и лингвистов общее мнение, согласно которому создателями и носителями названных культур были изначально племена, говорившие на древнем хатто-абхазо-адыгском языке [Клейн 2007: 74–75; Kassian 2010; Бифов 2018]. На языке племен, которых можно объединить сейчас под общим названием хатто-каскайских (с учетом «азианического» и индоевропейского названий проточеркесов).

Что касается майкопской культуры, то в IV веке до н. э. она стала, по словам Е.Н. Черных, «прародительницей» и центром Циркумпонтийской металлургической

провинции, охватывавшей громадное, населенное множеством племен и народов пространство вокруг Черного моря [Черных 2008: 37]. По уровню развития металлургического производства майкоп в этот период превосходил производство и металлообработку угасающей Балкано-Карпатской провинции и богатых, цивилизованных стран в Анатолии, Месопотамии, Египте [Chernych 1992; Клейн 2007].

Основываясь на результатах археологических и историко-лингвистических исследований последних десятилетий можно предположить также, что распространение, этническое и культурное развитие хатто-каскайского населения ознаменовалось интенсивным взаимодействием с соседними народами не только на Кавказе и в Юго-Восточной Европе, но и на Ближнем Востоке. С одной стороны, эти процессы сопровождалось обогащением майкопской культуры достижениями соседних народов и расширением сферы влияния майкопской культуры на культуру сопредельных регионов, так или иначе вовлеченных в сферу влияния Циркумпонтийской металлургической провинции. А с другой – формированием в Передней Азии новых этнических общностей – эламитов, касситов, луллубеев, родственных между собой [Winkler 1892; Hüsing 1908: 23], и вместе с тем культурно и генетически связанных с хатто-каскайцами Анатолии и Северного Кавказа [Forrer 1930: 230; Алиев 1960: 81].

3

В специальном рассмотрении нуждается особая роль хеттов в этнической истории черкесов. В настоящее время, как мы знаем, не только исторические, но, что особенно важно, и лингвистические данные свидетельствуют о том, что «носители хетто-лувийских языков, прежде чем переселиться в Малую Азию, длительное время обитали на Кавказе» [Дунаевская 1969: 15] и находились здесь в тесном контакте с местным хатто-каскайским населением, перенимая элементы их языка и культуры. Во всяком случае, эта версия остается одной из основных, когда речь заходит о ранней истории хеттов.

Тесное культурно-языковое взаимодействие хеттов с хаттами продолжилось и после завоевания Страны хаттов в Анатолии. Достаточно вспомнить, что некоторое время хетты пользовались хаттским языком как государственным, а также поклонялись хаттским богам, соблюдали хаттские обычаи, обряды, ритуалы. Сохранили за собой и прежнее название страны – Хатти/Хаттия. Кроме того, они поддерживали особенно близкие политические и культурные отношения с ответвлениями хатто-каскайского населения на Ближнем Востоке, в частности, с касситами. Но, правда, с касками на северо-востоке Анатолии находились в состоянии перманентной вражды и войны, что вполне объяснимо естественным желанием касков вернуть себе контроль над всей прежней Страной хаттов.

Известно, что благодаря хеттам и в тесном взаимодействии с ними касситы воцарились в 1595 г. в Вавилоне, когда хеттский царь Мурсили I (внук Анниты) с объединенными хетто-касситскими войсками взял город штурмом, сверг и пленил вавилонского царя Самсудитана (праправнука Хаммурапи) и, оставив город разрушенным, с победой возвратился в Хаттусу. Удовольствовавшись этим, он открыл для касситов путь для их правления в Вавилоне [Richardson 1969: 347], которое с этого времени продолжалось почти 500 лет.

И в дальнейшем хетты активно поддерживали касситов в их сложных отношениях с египтянами, ассирийцами, хурритами и другими народами Ближнего Востока. Дружеские, союзнические отношения связывали Кардунияш (Касситский Вавилон) и Хаттию (Хеттскую державу) на протяжении всех столетий правления касситской династии в Вавилоне – вплоть до начала XII в. до н.э., когда хеттское царство прекратило свое существование под ударами народов моря. Показательно, что после этого ослабленные опустошительными походами ассирийцев,

лишившись поддержки египтян, хурритов, хеттов, а также эламитов, питавших надежду установить свое господство в Вавилоне, касситы недолго сохраняли свою власть в Кардунияше, всего около 40–50 лет.

Все это позволяет считать хеттов в известной мере продолжателями хатто-каскайских культурных и языковых традиций. Хаттский язык лег в основу хеттского языка в качестве субстрата, что позволяет современным исследователям обнаруживать хатто-абхазо-адыгские языковые параллели, используя для этого также и средства индоевропейского хеттского (лувийского) языка. Например, хеттское *zahhai* (битва, сражение), заимствованное, возможно, из хаттского языка [Ардзинба 1982: 80], сопоставимо с адыгским *зэхэуэ* (стычка, сражение). Можно предположить, что результатом длительного сосуществования индоевропейского хеттского и протоадыгского языков стали такие соответствия как *aṣu* [Дунаевская 1969: 62] и *шы* (лошадь), *arma* [Дунаевская 1969: 98] и *мазэ* (луна, месяц), *pankus* [История Древнего Востока 1979: 200] и *пэклу* (народное собрание вече). Также точно, как у хеттов, у адыгов народные собрания включали в себя все свободное мужское население и отсюда древнее общеиндоевропейское значение слова *pankus* «обширный, густой, совокупный, объединенный» [Иванов 2007: 473–474]. Но такое значение заключено и во внутренней форме адыгского термина *пэ-клу* – букв. «первичный, начальный, общий сход».

Заостряя на этом внимание, следует подчеркнуть, что хатто-хеттское культурно-языковое и политическое взаимодействие складывалось и развивалось на фоне длительных и масштабных контактов северокавказцев с индоевропейцами. И отсюда в их языках десятки, сотни одних и тех же слов с одним и тем же значением. Во многих случаях это заимствования, сделанные индоевропейскими языками из хатто-каскайских языков. Ср. например: черк. *нысэ* «невеста», русск. невеста, черк. *шы*, убых. алашэ «лошадь», русск. «лошадь», инд. *асва* «лошадь», черк. *жъэгэу* «очаг», *жъэн* «жарить», русск. «жарить»; черк. *адэши* и хеттское *attuṣ* – «отцы», «родственники по отцовской линии», черк. *анэши* и хеттское *annuṣ* «матери», «родственники по материнской линии».

4

В заключении отметим еще раз и особо эвристическую значимость изложенного подхода к этногенезу и этнической истории хатто-абхазо-адыгских племен. Вполне обоснованным и правомерным представляется он на фоне исследований, выдвигающих и поддерживающих гипотезу культурно-языкового единства кавказских и анатолийских хаттов в период, предшествовавший последнему глобальному потеплению. Согласуется также и с гипотезой последовавшей за этим этногенетической дивергенции кавказско-анатолийской общности, с предположением о том, что каждая из ветвей хатто-абхазо-адыгской общности (кавказская и анатолийская) имела индоевропейское название *kas/kas*, *kaska/kaska*.

Одной из главных причин такого разделения стало глобальное потепление и таяние ледников в IX тыс. до н.э., когда Чёрное море поднялось более чем на 100 м и вместе с труднодоступными горами и густыми лесами Западного Кавказа стало препятствием для общения анатолийских и кавказских хаттов (протоабхазо-черкесов). Культурная и языковая связь между ними устанавливается сейчас только благодаря специальным изысканиям, начало которым положили труды Е. Форрера и Б. Грозного, а в отечественной науке работы И.М. Дунаевской, И.М. Дьяконова, В.В. Иванова, В.Г. Ардзинба, Н.Г. Ловпаче, Р.Ж. Бетрзова и др.

Впоследствии кавказская культурно-языковая ветвь разделилась, как мы знаем, на две подгруппы. Первая из них протоабхазская на Юго-Восточном побережье Черного моря и в Центральном Предкавказье (нынешние абхазы и абазины). Вторая – проточеркеская на Северо-Западном и Северном Кавказе и в Северном

Причерноморье. На ее основе сформировались кабардинцы (включая нынешних черкесов), адыгейцы (кяхи), убыхи.

Очевидная близость между этими подгруппами позволяет говорить о том, что абхазо-адыгские языки на Кавказе обособились друг от друга гораздо позже, чем от хаттского в Анатолии. На наш взгляд, обособление абхазо-абазинских и адыгских этнических групп и языков могло окончательно состояться не раньше IV тыс. до н.э. Есть мнение, что это могло произойти позже – в III–II тыс. до н.э. [Анчабадзе 1964: 120–121; Инал-Ипа 1965: 86]. Думаю, следует принять эту дату как наиболее вероятную.

Источники и литература

1. Алиев И. История Мидии. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960. 360 с.
2. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964. 240 с.
3. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 250 с.
4. Бауэр С.У. История Древнего мира. От истоков цивилизации до падения Рима. М.: АСТ: Астрель, 2011. 988 с.
5. Бетров Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик: Эльбрус, 1998. 280 с.
6. Бгажноков Б.Х. Культ собаки и семантика хьэ в языковом сознании черкесов // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2016. № 1 (28). С. 7–22.
7. Бифов Э.Р. Вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов в свете современных данных лингвистики, генетики и археологии // Вестник науки АРИГИ. № 12 (36). Майкоп, 2018. С. 50–65.
8. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каспских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вып. 1. Вопросы хеттологии и хурритологии. М.: Изд. Восточной литературы, 1961. С. 161–210.
9. Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов. М.: Наука, 1969. 115 с.
10. Иванов Вяч.Вс. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Индоевропейские корни в хеттском языке. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. 559 с.
11. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965. 595 с.
12. История Древнего Востока. М.: Высшая школа, 1979. 396 с.
13. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1947. 290 с.
14. Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.
15. Черных Е.Н. Евразийский «степной пояс»: у истоков формирования // Природа. № 3. 2008. С. 34–43.
16. Acurgal E. Die Kunst der Hethiter. München: Hirmer, 1979. 124 p.
17. Acurgal E. Hatti uygarlıları. Ankara: Phenix Yayınevi, 2015. 352 p.
18. Forrer E. Stratification des Langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique // Journal Asiatique, CCXVII, 1930. P. 230.
19. Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. New Haven and London: Pelican, 1996. 456 p.
20. Hrozný B. Ancient history of Western Asia, India and Crete. New York: Philosophical Library, 1953. XIV + 260 p.
21. Hüsing G. Sagros und seine Völker. Leipzig: I.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1908. 66 p.
22. Jaritz K. Die Kulturreste der Kassiten // Anthropos. Bd. 55. Wien, 1960. P. 17–84.
23. Jaritz K. Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. № 5–6. 1957. P. 850–898.
24. Kassian A. Hattic as Sino-Caucasian Language // Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Surien-Palastinas herausgegeben von Manfred Dietrich und Oswald Loretz. Band 41. Ugarit-Verlag, Münster, 2010. P. 309–448.
25. König Fr.W. Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche, 1930. 74+XVI.

26. *Richardson S.F.C.* The Collapse of a Complex State: A Reappraisal of the End of the First Dynasty of Babylon, 1683–1597 B.C. // Ph.D. diss., Columbia University, 2002. P. 347.

27. *Singer I.* Hittites and Hattians in Anatolia at the Beginning of the Second Millennium B.C. // *Journal of Indo-European Studies*. 1981. 9. P. 119–134.

28. *Chernych E.N.* Ancient metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. New York: Cambridge University Press, 1992. XXI +335.

29. *Winkler H.* Geschichte Babyloniens und Assyriens. Völker und Staaten des alten Orients 1. Leipzig: Verlag von E. Pfeiffer, 1892. 354 p.

TO THE QUESTION OF THE CAUCASSIAN-ANATOLIAN CULTURAL LINGUISTIC UNITY AND AFFINITY

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head Sector of the Ancient History and Archeology of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The problem of the Caucasian-Anatolian cultural and linguistic affinity considered once again is regarded on the basis of modern achievements in this fields: linguistics, ethnology, archeology. It is proposed to identify the concept of the Caucasian-Anatolian languages as an equivalent (analogue) of the Hattic-Abkhaz-Circasian languages that existed in prehistoric times, to consider the term Hatts as an ancient self-designation of Hatt-Abkhaz-Adygs and the tern Cas/Caska as an Indo-European exonym of these peoples. The hypothesis of ethnogenetic divergence of the Circasian-Anatolian unity, its division into two branches – Circasian and Anatolian after the last global warming in the 9th century BC is also supported. The special role of Darkveto-Mashokovskaya, pre-Maykop and Maykop cultures is emphasized.

Keywords: The Middle East, the Caucasus, Anatolian, Abkhazians (Abkhaz), Circasian, Hatts, Hetts, Maykop culture, ethnogenetic divergence, exonym.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-7-13